

УДК 340.12

DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-457-464

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ****LEGAL CULTURE IN THE CONTEXT
OF SPIRITUAL VALUES OF RUSSIAN PHILOSOPHY****М.Н. Киреев
M.N. Kireev**Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7

Belgorod State Institute of Art and Culture, 7, Koroleva st., Belgorod, 308033, Russia

E-mail: korenevaen@yandex.ru

Аннотация

В статье раскрываются некоторые особенности русского отношения к праву. Показывается неправомерность радикальных трактовок отечественного правосознания в терминах правового нигилизма. В этом контексте раскрывается глубокая связь правовых и нравственных категорий, которая является определяющей в иерархии духовных ценностей русской философии. Обосновывается приоритетность понятий правда, совесть и благодать перед истиной, справедливостью и законом. Это отличает русское право, основанное на нравственном понимании бытия, от западноевропейского, основанного на формальных принципах. В заключении анализируется «Слово о законе и благодати» Киевского митрополита Илариона, которое является источником нравственно-правовой идеи, актуальных до нынешнего времени.

Abstract

In the reflections of contemporary authors reflecting on the issues of social and political arrangement of Russia, one of the most important places is the problems connected with the level of legal awareness of both individual citizens and the entire state-management system.

The article reveals some features of the Russian attitude to law. The illegitimacy of radical interpretations of the Russian sense of justice in terms of legal nihilism is shown. In this context, a deep connection between legal and moral categories is revealed, which is the determining factor in the hierarchy of spiritual values of Russian philosophy. The priority of concepts of truth, conscience and grace before truth, justice and law is justified. This distinguishes Russian law, based on the moral understanding of being, from the West European, based on formal principles. In conclusion, the "Word of law and grace" of Metropolitan Hilarion of Kiev is analyzed, which is the source of moral and legal ideas that are relevant up to the present time.

Ключевые слова: русская философия, мораль, право, правда, истина, справедливость, правосознание, правовой нигилизм, закон, благодать.

Keywords: Russian philosophy, morality, legal law, truth, fact, justice, sense of justice, legal nihilism, law, grace.

В размышлениях современных авторов, рефлексирующих над вопросами социально-политического обустройства России, одно из важнейших мест занимает проблематика, связанная с уровнем правосознания как отдельных граждан, так и всей государственно-управленческой системы. Здесь, как правило, преобладают пессимистические оценки. Известный исследователь С.С. Неретина отмечает, что: «...проблемы права сейчас столь же насущны, как и проблемы собственности, поскольку собственности в России не было, да и ныне появившаяся все равно зависима от начальственной власти, которая отнимает ее, используя для оправ-

дания в глазах народа те самые камуфляжные правовые институты, то есть слова-заместители, слова-тропы (метафоры), которые подменяют собственно право» [Неретина, с. 135].

В этих словах содержится большая доля справедливости, показывающая актуальность обращения к вопросам права. Можно говорить о *симулякрах права* в современной социальной реальности, поскольку такие понятия как «правовая культура», «правовой идеал», «правосознание» традиционно не составляют аксиологического ядра отечественной культуры. Поэтому при характеристике отечественной правовой ментальности вместо этих позитивных понятий чаще приходится слышать о правовом нигилизме, правовом идеализме, правовой инфантилизме и т. д. Низкий уровень правосознания российской ментальности часто трактуется чуть ли не в терминах национального архетипа. В своем радикальном варианте такая точка зрения, конечно же, несправедлива, поскольку не учитывает духовной специфики отечественной культуры, в которой есть собственное отношение к правовой действительности, отличное от западноевропейских канонов. Однако значительная доля правды в этом есть, и для объективного анализа культурно-политических процессов в современной России необходимо рассматривать данный аспект с максимальной тщательностью и объективностью.

Действительно, если рассмотреть сегодняшний исследовательский срез состояния правосознания в России, то по-прежнему авторы говорят о «правовом нигилизме, выражающемся в отрицании или принижении роли права как основного регулятора общественной жизни» [Фролов, с. 151]. В проекции на социальную практику имеет место крайней негативная оценка низкого правосознания: «мы можем говорить о наличии в правовом сознании россиян в современных условиях тенденции дальнейшего развития незаконных практик через укоренение их алгоритмов в правосознании. ...получив представление об основных тенденциях развития правосознания россиян, следует отметить их общую негативную направленность, что непременно ведет к росту криминогенности общественных отношений, к снижению общей атмосферы правопорядка и законности» [Гирько].

Более того, имеют место достаточно серьезные неправомерные технологии уголовного преследования. Заслуженный юрист Российской Федерации С.А. Пашин пишет, что «Существующие в России технологии уголовного преследования по-прежнему носят неоинквизиционный характер. В современных условиях неправомерные технологии уголовного преследования, поддерживающие притязания государства, достаточно многочисленны, но среди всего их многообразия выделяются по своей значимости следующие: навыки работников силовых структур; пытка; огосударствление экспертных подразделений» [Пашин, с. 306].

То, что и сегодня нарушаются азбучные истины права в различных областях жизни, далеко не случайно. Здесь мы сталкиваемся с некоторой закономерностью, которая определяет характер культурной и социальной жизни, которую можно охарактеризовать не столько в терминах правового нигилизма, сколько в терминах «бесправия». Кажется, что именно об этом говорил Ф.И. Тютчев, сопоставляя культуры Запада и России. В письме Э.Ф. Тютчевой в 1854 году он писал: «И пройдет время, – пожалуй, много времени, – прежде чем несчастная Россия, – та Россия, какую ее сделали, – осмелится позволить себе более живое сознание своего Я и своего Права, чем может иметь хорошо расположенный к ней иностранец» [Тютчев, с. 164].

Это «бесправие» обусловлено особыми условиями жизни, которые в России были во многих отношениях иными, нежели на Западе. То, что исследователи, настроенные недоброжелательно по отношению к России, называют правовым нигилизмом, Ф.И. Тютчев выражает словами «несчастная Россия». Здесь также важно учесть, что правовая культура западных стран предполагала изначально высокий уровень самосознания, развитости личного начала. Это отвечало *индивидуализму западной культуры*, который в России отсутствовал. Во многом культурный индивидуализм и правовая культура для западного сознания – тождественные феномены. Индивидуализм как культурный принцип ни в каком виде (политическом, экономическом, юридическом) не имел в России той ценности, которую он имел на Западе. Как отмечают В.В. Сербиненко и И.В. Гребешев: «Русская культурная традиция всегда отличалась подлинным духовным демократизмом. Идеи индивидуализма и кастовой элитарности не имели глубоких корней в русской мысли» [Сербиненко, с. 783].

Здесь один из источников того «бесправия», которое является характеристикой не столько юридической и правовой, сколько нравственной. Ослабленность индивидуалистического начала формирует устремленность к соборным началам бытия, в которых не так важны частнособственнические интересы, охраняемые строгим правовым нормами. Это, мы полагаем, одна из причин традиционной недооценки юридической области в сознании российских граждан. Понимание этих духовно-культурных реалий будет способствовать грамотному правотворчеству, которое сегодня по большей мере имеет заимствованный характер.

Кризис правового просвещения, о котором говорят современные авторы, во многом обусловлен непониманием важных реалий отечественной духовной культуры, которые часто трактуются в терминах «правового нигилизма». Исследование отечественной правовой культуры в контексте духовных ценностей русской философии, с нашей точки зрения, будет способствовать преодолению кризиса правового просвещения. Аксиоматичным для данного контекста является тезис философа А.А. Королькова, согласно которому: «...правовая культура не может развиваться обособленно от духовной культуры в целом, которая пронизывает все сферы деятельности русского человека» [Корольков 2011, с. 77]. Иными словами, необходимо определить *философско-правовую топику отечественной культуры*. Рассмотрим ее основные контуры.

Взаимодействие нравственности и права является отличительной чертой европейской христианской культуры, имеющей исток в греческой философии и римском праве. Однако в контексте русской философии и культуры это взаимодействие носит принципиально иной характер, нежели тот, который имеет место в контексте западноевропейской философии. Для выявления этих отличий коснемся некоторых идей западных авторов. Известный английский философ, основатель аналитической философии права Г. Харт трактует соотношение морального и правового дискурса в контексте «ограничения свободы». Он пишет в работе «Существуют ли естественные права» следующее: «Полагаю, ясно, что до тех пор пока не было признано, что ограничение свободы другого требует морального обоснования, понятие права не могло иметь места в сфере морали, так как заявлять о наличии права – означает заявлять о наличии такого обоснования» [Харт, с. 132].

Очевидно, что это аналитическая традиция, которая отличается высокой степенью формализации к вопросам, идущим под рубрикой «метафизики» и «этики». При этом необходимо отметить, что в логике западной философии такие понятия как *свобода, мораль, право* образуют естественную причинно-следственную связь. Б. Кроче пишет: «Понимание истории как истории свободы имело свое необходимое практическое дополнение – свобода как моральный идеал. Созревая, этот идеал как комплекс привилегий обрел черты свободы естественных прав. Затем абстрактный смысл естественно-правовой теории перерос в идеал духовной свободы конкретно исторической персональности» [Кроче, с. 249].

В целом западноевропейской традиции свойственно противопоставление понятий морали и права и стоящих за ними нравственной и юридической областей. В XVIII веке произошло концептуальное обоснование данного противопоставления. Разграничение этих сфер носит довольно жесткий характер, поскольку, так или иначе, они относятся к идее сохранения личностных свобод, что предполагает их рассматривать как политические реалии. В этом контексте интересна трактовка несовпадения областей морали и права, которую можно найти у видного немецкого ученого-правоведа Г. Радбруха [См.: Фролова, с. 14; Радбрух, с. 49].

Современный российский дискурс права по преимуществу разворачивается в ценностно-смысловых координатах, определенных западноевропейской философско-правовой традиции. Прежде всего сказывается *принцип формализации* при определении сущности и области действия морали и права. Приведем несколько примеров. «Право (в объективном смысле), – пишет А. В. Полушкин, – является регулятором общественных отношений. Это сложная структура, отражающая, помимо всего прочего, представления людей о справедливости, мере дозволенного поведения отдельных субъектов, ответственности и иных социально значимых предметах, процессах, явлениях и их состояниях. Мораль – тоже структурно сложное явление, ориентированное на формирование внутренних побуждений личности к определенному рода поведению, являющемуся справедливым, честным и приемлемым в дан-

ной общности» [Полушкин, с. 68]. Анализируя связь закона, права и прав человека, Л.А. Богодельникова приходит к выводу, что «...права человека в современном обществе существуют в форме этических высказываний, своеобразных императивов, указывающих на то, что необходимо сделать для реализации признанных свобод, которые необходимо уважать, поддерживать и укреплять» [Богодельникова, с. 23].

Русской философской традиции свойственны иные приоритеты, которые проистекают из основополагающего характера нравственности в системе духовных ценностей культуры, в которой право занимает не столько *подчиненное* положение, сколько *преобразенное* светом духовной истины. Исследователь Е.В. Караваев, рассматривая взгляды В.С. Соловьева и Е.Н. Трубецкого как сторонников идей *нравственного идеализма*, так характеризует соотношение морали и права в их воззрениях: «...мораль в праве представлялась как особый способ регуляции общественных отношений, основанный на христианско-религиозном идеале Добра и Любви. В то же время мораль как фактор справедливого и целостного общежития выступала как средство, укрепляющее эту систему и контролирующее право» [Караваев, с. 47].

Если для западного философского мышления, решающего вопрос о соотношении морали и права, важнейшей категорией является *свобода*, то у русских философов в качестве таковых выступает *добро и любовь*. Здесь очевидно отличие самих подходов к проблематике. Если понятие свобода, безусловно, представляющее высочайшую духовную ценность, в контексте соположения права и морали приобретает политическую окраску, то добро и любовь имеют исключительно нравственный характер, характеризующих внутреннее состояние личности. И, соответственно, право, приобретая подчиненный от нравственности характер, имеет другой смысл, нежели в контексте западноевропейского философского дискурса.

Важными для раскрытия особенностей отечественной правовой культуры в системе духовных ценностей русской философии являются исследования современных авторов, известных своей углубленной аналитикой духовных начал философии и культуры. Работы А.А. Королькова, М.Н. Громова, М.А. Маслина, Б.Н. Тарасова, А.Г. Гачевой и др. представляются важными в понимании аксиологии духовной культуры. Коснемся некоторых из них.

В работах А.А. Королькова «Философия права как компонент русской культуры», «Одухотворенная наука о праве», «Правда есть истина в действии» раскрывается «органическое родство правовых и нравственно-религиозных исканий русских философов» [Корольков 1997, с. 5]. Взаимное проникновение правовых и философских начал является такой же типологической особенностью русской философской культуры, как и взаимопроникновение литературы и философии. И здесь важно не только то, что многие русские философы, такие как П.И. Новгородцев, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Б.П. Вышеславцев и др., были юристами по своему университетскому образованию. Речь идет о чем-то большем, а именно о «склонности именно юристов к прояснению тайн русской души, к философичности в русском понимании этого слова» [Корольков, с. 5].

Это далеко не случайный факт, но глубинная закономерность, раскрывающая органику культуры. Особая близость права к нравственной сфере свидетельствует о неустранимом нравственном начале в самом праве. Это начало коренится в слове «правда», которое объединяет обе сферы (юридическую и моральную) в высшем духовном единстве. А.А. Корольков делает следующие наблюдения над этической природой русского права и вообще русской правовой культуры: «Специфичность русской национальной правовой культуры сказалась даже в названии свода правовых установлений – Русская Правда. Единство правового и нравственного начал заложено в самом слове „правда“» [Корольков 2011, с. 71].

Далее исследователь раскрывает глубинную нравственную природу права: «Право в русском сознании становилось синонимом правоты, правды, а подчас и праведности; в западном же сознании право сближалось с законностью, формальными требованиями, упорядоченностью. В России правда была большим, чем справедливость, правда – это истина в действии, она пронизана светом совести» [Корольков 2011, с. 71]. По сути дела, здесь выявлен круг базовых понятий русской правовой культуры; это – правда, праведность, истина, совесть, справедливость. Правда в некотором смысле выше истины и справедливости, понятий, в которых все же сказывается рационалистический элемент, необходимый для правовой

культуры Запада. В русском самосознании правда «пронизана светом совести». Можно сказать, что под влиянием совести правда становится *праведностью*.

Исследователь раскрывает различные грани и контексты, в которых выявляется духовно-нравственный смысл правды. В работе «Правда есть истина в действии» он пишет: «В слове «правда» спрятана загадка, не поддающаяся привычному для науки анализу, рассудочному уяснению однозначного или многозначного смысла. Правда – издавна дело жизни, дело духовных исканий, дело художественной литературы... Лишь человек, страдающий о подлинных ценностях души, способен сказать весомые слова о Правде, ибо Правда и Совесть – это не просто однопорядковые слова, а это однопорядковые явления жизни, неразрывные состояния беспокойной души. Правда – не только антипод лжи. Правда – категория духовности, категория эстетическая и нравственно-практическая» [Корольков 1998, с. 215–216].

Эта связанность *права и совести* на онтологическом уровне является типологической, если не архетипической чертой русской правовой культуры, которая проявила себя в далеком историческом прошлом. Анализируя исследование Н.И. Костомарова «Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада», А.А. Корольков отмечает, что «современный читатель с удивлением обнаружит высочайшие для столь древней государственной истории достижения правовой культуры, поучительную гармонию княжеской и вечевого власти. ... Право оказывалось одухотворенным; высший свет религиозности, а стало быть, и нравственности, незримо пронизывал всякое правовое действие» [Корольков 2011, с. 69].

Отстоять правду, исходя из велений совести – таков был нравственно-правовой канон, присущий отечественной духовности изначально. Собственно говоря, «отстаивание правды» составляет духовную топику отечественной правовой культуры, которая вызрела в контексте православной традиции, существенно отличающейся от западных ветвей христианства. А.А. Корольков отмечает данный факт, усматривая в нем, можно сказать, исторические основы духовности или духовные основы истории: «Чисто формальное, рассудочное отношение к правовым законам, столь свойственное народам протестантской и католической ветвей христианства, чуждо исторической культуре русского народа. Еще в XI в. митрополит Киевский Иларион в «Слове о законе и благодати» с величайшей психологической точностью раскрыл пропасть между формальным законом (тенью) и благодатью (истиной), данной отзывчивой и просветленной душе. В русской литературе издревле писали о душе, о воспитании сердца; православие определяло весь ритм жизни человека, направляло его от рождения до смерти» [Корольков 1997, с. 6].

Акцент на известном памятнике древнерусской книжности XI века «Слове о законе и благодати» Киевского митрополита Илариона является весьма существенным для понимания глубинных особенностей отечественной правовой культуры. Дихотомия *закон/благодати* представляет собой важнейший элемент духовной топики русской правовой культуры, имеющий христианский исток. Здесь необходимо отметить, что противостояние закона и благодати есть коренная антиномия христианства, во многом определяющая его высший смысл. Как пишет русский философ Б.П. Вышеславцев: «Противопоставление закона и благодати, закона и любви, закона и Царства Божия проходит через все Евангелия и точно формулируется как основной принцип христианства в Прологе Ев. Иоанна: «закон дан через Моисея; благодать же и истина произошли через Иисуса Христа» (Ин. 1:16, 17)» [Вышеславцев, с. 17].

Если говорить о традициях отечественной духовной культуры, то первоначально эта оппозиция как раз встречается в «Слове и законе и благодати» Киевского митрополита Илариона. Этот удивительный памятник русской духовной и книжной культуры прошел сквозь века, сохранив мощную культуротворческую энергию до нашего времени. Известный исследователь отечественной философии М.Н. Громов говорит о том, что произведения Илариона – это одно из лучших творений раннего Средневековья не только в отечественной, но и мировой литературе. «„Слово“ преисполнено жизнеутверждающего пафоса и веры в грядущее процветание Русской земли, – пишет исследователь, – в нем утверждается равенство русского народа среди ранее цивилизованных». И кроме того, это «...глубокое историческое произведение» [Громов, с. 70–71].

Историософия – ключевое понятие, с помощью которого раскрывается вся глубина и своеобразие этого произведения, в котором обнаруживается единство духовных, нравственных и правовых идей. Речь здесь идет о *смысле мировой истории*, заключающийся в переходе от языческого царства, ограниченного и духовно, и пространственно, к вселенскому типу мировоззрения. Осмысление мировой и отечественной истории происходит в рамках христианского универсализма, нашедшего затем очень глубокое воплощение в русской историософии. Уже в самых первых строках «Слова» звучит эта идея: «О законе, Моисеем данном, / И о Благодати и истине / В Иисусе Христе явившихся; / О том, как закон отошел, / А Благодать и истина всю землю исполнили, / И вера наша на все языки простерлась, / И на наш народ русский. / Похвала государю нашему Владимиру, Им мы крещены были» [Митрополит Иларион, с. 37].

Здесь представлена *бинарная оппозиция «закона» и «благодати»*, которая, с одной стороны, соотносится с религиозной идеей противостояния Нового и Ветхого заветов, христианства и иудаизма, христианства и язычества, символизируемых, соответственно, с помощью образов солнца и луны свободной Сарры и рабыни Агари, а с другой стороны – в проекции на философскую плоскость с идеей соотношения *свободы и необходимости*. Где *благодать*, там и *свобода*, а значит, *истина*. По сути дела, Иларион устанавливает тождество таких понятий как «благодать», «истина», «свобода», что проявляется в духовном равенстве всех народов. Это равенство предполагает и единство, то духовное родство, которое связывает все человечество. До этого человечество было разъединено на «языки» и подчинено действию закона, то есть необходимости, которая держит людей в духовном рабстве.

Христианство тем самым приносит в мир, совершенно новую *идею индетерминизма*, выражаясь современным языком, идея, которая значима и для физики, и для богословия, и для философии. В этом контексте значимость «Слова» митрополита Илариона для русской духовной и философской культуры огромна: впервые вопрос детерминизма/индетерминизма переведет в историософскую плоскость. Поэтому не случайно огромное внимание именно к историософской проблематике в контексте всей русской философии, которую В.В. Зеньковский назвал «сплошь историософской».

Особенно важное значение имеет бытование в контексте древнерусской книжной культуры слова и понятия «закон», которое, по словам известного ученого-филолога, исследователя «Слова» В.Я. Дерягина, «не православное слово». В обосновании своей позиции он пишет: «Историк русского права не может не обратить внимания на то, что в дошедших до нас дохристианских юридических документах, договорах русских князей с греками 911 и 944 годов многократно упоминается «закон русский», «закон греческий», а в Правде Русской термина *закон* нет вообще – только «правда» и «суд». Термин *закон* ушел из светского законодательства Руси на несколько столетий, почти до Петра, – его нет в судебниках и ранних уставных грамотах. Само слово, конечно, из языка не исчезло, оно сохранялось как термин богословия и церковного строительства: Закон и Завет в православной литературе часто выступают как синонимы, «Закон судный людям» был широко известным на Руси сводом внутрицерковных установлений. Идеологическое объяснение этому языковому факту – исчезновению из светской юридической терминологии слова *закон* – находим только в «Слове о Законе и Благодати» Илариона». Вот поэтому, заключает исследователь, «Закон – не православное слово» [Дерягин, с. 14].

Соответственно, в духовном плане Закону противостоит Вера и Правда. Поэтому и в светском законодательстве Правда Русская пришла на смену дохристианскому Закону Русскому. Нужно обратить внимание на семантику и этимологию слов «правда», которое означает – «суд справедливый», «суд правый» (правосудие), истинный, «прямой». Здесь имеет место совпадение исконных значений слов *правый* и *править* – «прямой» и «прямить, делать прямым». Стоит отметить большой интерес русской философии именно к прояснению этих базовых понятий нравственной философии – *истина* и *правда*. Здесь оставили свой след многие русские выдающиеся мыслители, среди которых Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, П.А. Флоренский и др.

Нужно отметить, что в других европейских философских языках нет такого различия, как и его нет (за исключением немецкого, да и то с большими оговорками) между поня-

тиями «этика», «мораль» и «нравственность». Богатство русской этической терминологии является отражением глубины и своеобразия отечественных нравственных исканий, которые отличаются остротой и напряженностью, непрестанной устремленностью к высшим идеям и ценностям жизни.

Примечательно то, что многие русские юристы XIX века обратились к философии, поскольку требовалось философски осмыслить «Слово о законе и благодати», которое стало программным для русского национального самосознания и правосознания. Поскольку главное в нем то, что основой национального самосознания должен быть не *формализм закона*, а *благо бытия*, то есть благодать, исходящая от Бога. Как отмечают современные авторы: «Неслучайно и то, что в качестве главной проблемы русской философии права выступила проблема отношения права и нравственности, проблематика отношения закона и добра. Русская мысль явно стремилась вернуться к древней традиции благодати, о которой говорил митрополит Иларион, пыталась найти формы государства и права, воплощающие в жизнь начала бытия, понятого как бытие свободы и абсолютного добра» [Альбов, с. 17].

Здесь необходимо упомянуть имена крупнейших русских мыслителей в области права, как юристов, так и философов. Среди юристов, обращавшихся к философии – Л.П. Козельский, С.Е. Десницкий, А.П. Куницын, К.А. Неволин, Б.Н. Чичерин, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский, Н.Н. Алексеев и другие. Среди философов, осмысливавших правовую проблематику – В.С. Соловьев, Е.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин.

В заключение хотелось бы привести слова, сказанные П.И. Новгородцевым, о своеобразии русской духовной и, соответственно, правовой культуры на фоне западноевропейской: «...именно в том факте, что у нас нет *и быть не может* «Духа законов» и «Общественного договора», непосредственно проступает своеобразие нашего положения, и что отсутствие апологии права и государства в русской литературе имеет свою основу именно в том, что русский дух выражает себя в вечном стремлении к чему-то высшему, чем право и государство» [Новгородцев, с. 212].

Эти слова никоим образом нельзя понимать в духе правового нигилизма, в котором иногда обвиняют русскую религиозную философию за ее устремленность к высшим метафизическим и нравственным идеалам, за которыми якобы следует небрежение к социальной реальности. Как раз наоборот, русская мысль всегда стремилась к устройению земной реальности на вечных законах добра и справедливости, к построению «Царство Божье» на земле, к тому идеалу, который одухотворяет и преображает реальность, направляя ее к высшим духовным целям. В этом единство духовно-нравственного и правового идеала, которым отмечены высшие проявления русской философской культуры.

Список литературы References

1. Альбов А.П., Масленников Д.В., Сальников В.П. Русская философия права – философия бытия, веры и нравственности // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: Алетей, 1997. 399 с.
Al'bov A.P., Maslennikov D.V., Sal'nikov V.P. Russkaja filosofija prava – filosofija bytija, very i npravstvennosti // Russkaja filosofija prava: filosofija very i npravstvennosti. SPb.: Aletejja, 1997. 399 s.
2. Богодельникова Л.А. Мораль, право, закон, права человека // Евроазиатское сотрудничество Материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2017. С. 23–29.
Bogodel'nikova L.A. Moral', pravo, zakon, prava cheloveka // Evroaziatskoe sotrudnichestvo Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Irkutsk, 2017. S. 23–29.
3. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. Проблема Закона и Благодати. М.: Республика, 1994. 368 с.
Vysheslavcev B.P. Jetika preobrazhennogo Jerosa. Problema Zakona i Blagodati. M.: Respublika, 1994. 368 s.
4. Гирько А.А. Перспективы развития правосознания в России [Электронный ресурс]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1874
Gir'ko A.A. Perspektivy razvitija pravosoznaniija v Rossii [Jelektronnyj resurs]. URL: https://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1874

5. Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. 288 с.
Gromov M.N., Kozlov N.S. Russkaja filosofskaja mysl' X–XVII vekov. M.: Izd-vo MGU, 1990. 288 s.
6. Дерягин В.Я. Иларион. Жизнь и «Слово» // Митрополит Иларион.
Derjagin V.Ja. Ilarion. Zhizn' i «Slovo» // Mitropolit Ilarion.
7. Караваев Е.А. Мораль и право в русской философии права // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2017. № 1 (21). С. 45–51.
Karavaev E.A. Moral' i pravo v russkoj filosofii prava // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo. 2017. № 1 (21). S. 45–51.
8. Корольков А.А. Одухотворенная наука о праве // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: Алетейя, 1997. С. 5–8.
Korol'kov A.A. Oduhotvorennaja nauka o prave // Russkaja filosofija prava: filosofija very i npravstvennosti. SPb.: Aletejja, 1997. S. 5–8.
9. Корольков А.А. Правда есть истина в действии // Корольков А. Русская духовная философия. СПб.: Изд-во РХГИ, 1998. С. 211–223.
Korol'kov A.A. Pravda est' istina v dejstvii // Korol'kov A. Russkaja duhovnaja filosofija. SPb.: Izd-vo RNGI, 1998. S. 211–223.
10. Корольков А.А. Философия права как компонент русской культуры // Корольков А.А. Органика культуры. Бийск: Бия, 2011. С. 68–78.
Korol'kov A.A. Filosofija prava kak komponent russkoj kul'tury // Korol'kov A.A. Organika kul'tury. Bijsk: Bija, 2011. S. 68–78.
11. Кроче Б. Антология сочинений по философии. СПб.: Пневма, 2011. 477 с.
Kroche B. Antologija sochinenij po filosofii. SPb.: Pnevma, 2011. 477 s.
12. Неретина С.С. О понятиях государства, управления и общества // Государство. Общество. Управление: Сборник статей. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. С. 125–147.
Neretina S.S. O ponjatijah gosudarstva, upravlenija i obshhestva // Gosudarstvo. Obshhestvo. Upravlenie: Sbornik statej. M.: AL'PINA PABLISHER, 2013. S. 125–147.
13. Новгородцев П.И. О своеобразных элементах русской философии права // Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб.: Алетейя, 1997. С. 211–227.
Novgorodcev P.I. O svoeobraznyh jelementah russkoj filosofii prava // Russkaja filosofija prava: filosofija very i npravstvennosti. SPb.: Aletejja, 1997. S. 211–227.
14. Пашин С.А. Отечественный суд и государство // Государство. Общество. Управление: Сборник статей. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. С. 285–313.
Pashin S.A. Otechestvennyj sud i gosudarstvo // Gosudarstvo. Obshhestvo. Upravlenie: Sbornik statej. M.: AL'PINA PABLISHER, 2013. S. 285–313.
15. Полушкин А.В. Мораль и право в современной России: пути разрешения спорных вопросов (на примере института интеллектуальных прав) // Вопросы российской юстиции. 2015. № 1 (1). С. 68–72.
Polushkin A.V. Moral' i pravo v sovremennoj Rossii: puti razreshenija spornyh voprosov (na primere instituta intellektual'nyh prav) // Voprosy rossijskoj justicii. 2015. № 1 (1). S. 68–72.
16. Радбрух Г. Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.
Radbruh G. Filosofija prava. M.: Mezhdunar. otnoshenija, 2004. 240 s.
17. Сербиненко В.В., Гребешев И.В. Русская метафизика XIX – XX веков. М.: Руниверс, 2016. 800 с.
Serbinenko V.V., Grebeshev I.V. Russkaja metafizika XIX – XX vekov. M.: Runivers, 2016. 800 s.
18. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. – М.: Институт русской цивилизации, 2011. 169 с.
Mitropolit Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati. – M.: Institut russkoj civilizacii, 2011. 169 s.
19. Тютчев Ф.И. Сочинения в двух томах. М.: Правда, 1980. Т. II. 352 с.
Tjutchev F.I. Sochinenija v dvuh tomah. M.: Pravda, 1980. T. II. 352 s.
20. Фролов А.Н. Особенности трансформации правосознания в современной России // Вестник ВЭГУ № 1 (93) 2018. С. 150–158.
Frolov A.N. Osobennosti transformacii pravosoznaniya v sovremennoj Rossii // Vestnik VJEGU № 1 (93) 2018. S. 150–158.
21. Фролова Е.А. Право и мораль. Критическая философия права и современность // Государство и право. 2013. № 1. С. 13–23.
Frolova E.A. Pravo i moral'. Kriticheskaja filosofija prava i sovremennost' // Gosudarstvo i pravo. 2013. № 1. S. 13–23.
22. Харт Г. Философия и язык права. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2017. 384 с.
23. Hart G. Filosofija i jazyk prava. M.: Kanon+ ROOI «Reabilitacija», 2017. 384 s.